

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ТАНКОВАЯ ДИВЕРСИЯ

Александр Александрович Тамоников

Танковая диверсия

**Серия «Спецназ Берии.
Герои секретной войны»**

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73951072
ISBN 978-5-04-247397-5

Аннотация

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии».

1942 год. Советское командование обеспокоено участвовавшими на поле боя случаями выхода из строя танков Т-34 из-за некачественной брони. Установить причину брака на уральский завод направлена группа майора Максима Шелестова. Оперативники выясняют, что такие дефекты невозможно обнаружить при обычном контроле, они проявляются только в боевых условиях. Получается, кто-то знающий умышленно нарушает технологический процесс. Это не просто вредительство, а продуманная диверсия. Шелестов распространяет дезинформацию, что на завод везут секретную партию добавок для стали, в надежде, что предатель клюнет на

эту наживку. Майор еще не знает, что противник уже приготовил ему смертельный сюрприз...

«Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берию умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе». – С. Кремлев

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Тамоников

Танковая диверсия

© Тамоников А. А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Июльское марево стелилось над выжженной степью, превращая горизонт в дрожащее стекло. Пыль, поднятая гусеницами, висела в воздухе серым саваном и не спешила опускаться на истерзанную войной землю. Танковый полк был брошен вперед в самый напряженный момент развернувшейся битвы. Только вперед, всей массой металла и огня – на прорыв, нанести стремительный удар, разгромить атакующие порядки гитлеровцев, остановить стальную лавину. Только такими вот контратакующими ударами, маневрированием можно было задержать наступление фашистов, дать советским частям возможность закрепиться на новых рубежах обороны. Командиры в открытых люках танков всматривались в белесую даль. Казалось, кроме купола раскаленного неба да бескрайнего ковыля нет ничего более. И это «ничего» было обманчивым.

Первые снаряды обрушились внезапно – без предупреждающего гула авиационных моторов, без лязга гусениц встречных танков. Словно сама земля взорвалась яростным огнем. Справа, из ложбины, из густого перелеска, брызнули огненные языки залпов. Это была засада. Враг успел заметить передвижение советской танковой части и перебросил в полосу атаки советских танков орудия, установив их на прямую наводку, на подразделение танков. Одна, другая, третья

«бетушка» вспыхнули как факелы. Вот «тридцатьчетверка» закрутилась на месте с перебитой гусеницей. И тут же в бок машины ударил вражеский снаряд. Еще два танка замерли с неестественно задранными стволами.

Командир танкового полка, брошенного в бой буквально с марша без предварительной разведки, предвидел возможность вражеской засады – подразделения полка отреагировали сразу, начав действовать так, как подсказывала тактика боя. Полк, как живой организм, почувствовавший рану, ответил мгновенно. «Тридцатьчетверки» и тяжелые КВ¹ открыли огонь по вскрывшимся целям, а скоростные БТ², уходя из-под огня, бросились на фланги. Их главным оружием была не броня, а скорость. Теперь они летели по степи, описывая широкую, гибельную для артиллеристов дугу. Пыль за ними вставала коричневой стеной, скрывая их истинное число и направление. Немецкие наводчики пытались перенести огонь, но попасть в мелькающие тени было почти невозможно. Снаряды рвались сзади, спереди, вздымая фонтаны земли, но быстрые танки уже выходили во фланг немецким позициям.

А в центре, приняв на себя весь шквал первого удара, поднимаясь сквозь дым и разрывы, шли Т-34. Они не уклонялись, идя на максимальной скорости прямо в лоб. Их дизе-

---

¹ КВ (от «Клим Ворошилов») – семейство советских тяжелых танков и САУ.

² БТ («Быстроходный танк») – название серии советских легких колесно-гусеничных танков.

ли, работая на пределе, выли басовито и яростно. Вражеские снаряды били в их наклонную броню – один оставлял глубокий шрам и рикошетил в небо, другой вязнул, пробивая, но не убивая. Экипажи, оглушенные ударами снарядов, вели машины дальше. Это была страшная картина: стальные чудовища, объятые дымом, а некоторые и пламенем, неудержимо шли сквозь стену огня.

Легкие БТ сделали свое дело. Завершив маневр, они с флангов выскочили на позиции немецких артиллеристов, расстреливая врага из пушек и пулеметов почти в упор. Они стреляли по орудиям, по бегущим и суетсящимся фигуркам в серо-зеленом. Под гусеницами танков хрустнули ящики со снарядами, заскрежетал металл противотанковых пушек. Все было кончено – основная группа Т-34 и КВ навалилась на немецкие позиции, наскоро оборудованные позиции с фронта. Это было уже не сражение, а полное и беспощадное уничтожение врага. Тяжелые машины на полном ходу врезались в орудия, переламывая станины, сминая щиты, втаптывая в землю все, что было под гусеницами. Стволы «тридцатьчетверок», еще дымящиеся, опускались и в упор, почти без промаха, отправляли снаряд за снарядом в ближайшие тягачи, грузовики с боеприпасами, в уцелевшие вражеские танки, пытавшиеся задом покинуть разрушенные позиции. Гул моторов, лязг металла, разрывы, треск пулеметов – все слилось в единый рев и грохот боя.

Засада была уничтожена. На месте стремительного боя

осталось лишь месиво из искореженного металла, дымящихся обломков и черных воронок на выжженной земле. Полк хотя и понес значительные потери, снова ринулся вперед. Приказ есть приказ, и танки понеслись вперед, в зыбкое марево горизонта, оставляя за спиной дымный след и гул, еще долго стоявший в июльском воздухе. Полковник Иноземцев остановил свою машину, выбрался из люка и спрыгнул на пожелтевшую сухую траву. Он поспешил на правый фланг, туда, где оставшиеся в живых танкисты вытаскивали из подбитых «тридцатьчетверок» своих раненых и убитых товарищей. Иноземцев спешил к новеньким танкам, которые только вчера сошли с железнодорожных платформ уральских эшелонов, а теперь уже дымились на поле боя.

В эти тревожные дни совещания у Сталина проходили деловито и без нервного напряжения. Сегодня на совещание был снова приглашен генерал-полковник авиации Голованов, который с мая 1942 года командовал советской дальней авиацией и пользовался особой симпатией и доверием Сталина. Берия давно присматривался к этому человеку, который за годы войны поднялся очень высоко в чинах и звании. Не то чтобы Лаврентий Павлович завидовал этому человеку. Просто в силу своей должности и по своим убеждениям он всегда пытался здраво оценивать тех людей, которые появлялись рядом со Сталиным и начинали пользоваться его доверием. Одна ошибка вождя в оценке личности военачальника – и последствия могут оказаться очень серьезными для

страны.

Так было с Исааком Моисеевичем Зальцманом, который, будучи директором завода, за тридцать три дня умудрился начать выпуск танков Т-43 на Урале после оперативной переброски туда танковых заводов с европейской части СССР. Сталин настолько доверился этому энергичному человеку, что в июле этого года назначил его наркомом танковой промышленности. А теперь вот еще Голованов.

Александр Евгеньевич Голованов встретил войну в должности командира 212-го полка дальнебомбардировочной авиации. Летом и осенью 1941 года полк выполнил ряд ночных боевых вылетов для бомбардировки важных военных и промышленных объектов на территории Германии. Но тогда же, в августе 1941 года, Голованов был назначен командиром 81-й авиационной дивизии дальнего действия, сменив освобожденного за отсутствие «необходимых командных навыков и опыта в организаторской работе» прежнего командира – известного советского летчика Михаила Васильевича Водопьянова. Следом Голованову было присвоено звание полковника, а в октябре того же тяжелого года – и звание генерал-майора авиации. Сталин лично следил за результатами работы дивизии Голованова. В августе-сентябре дивизия бомбила глубокие немецкие тылы: Берлин, Кенигсберг, Данциг.

Уже в декабре 1941 года постановлением Государственного комитета обороны Голованов был назначен команди-

ром 3-й авиационной дивизии дальнего действия Ставки верховного главнокомандования. А в феврале следующего года Голованов стал командующим авиацией дальнего действия (АДД) Ставки верховного главнокомандования. А с мая текущего года Голованов уже генерал-лейтенант авиации. Александр Евгеньевич Голованов в числе немногих имел право свободного доступа к Сталину, который называл его по имени в знак своего особого доверия. Таких людей, как Голованов, Зальцман, Берия из поля зрения не выпускал никогда.

Несмотря на то что в кабинете присутствовал и начальник генерального штаба Василевский, только что назначенный на эту должность вместо Шапошникова, Сталин сам говорил о положении наших войск на фронтах, особенно уделяя внимание южному направлению. Неторопливо, даже как-то задумчиво Сталин говорил о том, что к середине лета 1942 года немецкие войска продолжали наступление вдоль западного берега Дона и стремились во что бы то ни стало выйти в большую излучину реки. Советские войска отступали к естественным рубежам, на которых они могли закрепиться. Нависла угроза над городами: Валуйки, Россошь, Богучар, Кантемировка, Миллерово. Перед фашистами открывалась восточная дорога – на Сталинград и южная – на Кавказ.

Сталин, держа в ладони потухшую трубку, говорил, почему-то обращаясь к Голованову:

– Немец повернул на юг. Я думаю, не добившись успе-

ха под Воронежем, он пойдет сейчас на Сталинград. Кавказ ему ничего не даст, он там не решит исхода войны. Ключ от Москвы он хочет найти в Сталинграде. Я думаю, там, на том направлении, будет решаться сейчас судьба войны.

Берия слушал, а сам думал об уральских заводах, которые все чаще в Ставке и на заседания ГКО называли «Танкоградом». Сейчас Лаврентий Павлович ничего не сказал на совещании, решив предварительно сам разобраться в ситуации, наметить пути решения проблемы, сложившейся на поле боя с танками Т-34. Соваться к Кобе без продуманного плана с одними обвинениями и подозрениями нельзя, глупо. Сталин этого не любил, не любил он голословности. Собственно, план в голове Берии уже начинал рождаться. Поэтому сейчас, пока он находился на совещании у Сталина в кабинете, его ждала Особая оперативная группа майора Шелестова. В соседнем пустом кабинете трудился над отчетом только что прибывший с фронта полковник Иноземцев, осуществляющий приемку танков на уральских заводах.

Офицеры дружно встали, когда Берия появился в кабинете и прошел к своему столу. Шелестов, как и его оперативники, не имел представления о причинах срочного вызова. Впрочем, причина подобных вызовов всегда была одна – важное задание для группы. Но Берия почему-то не спешил вводить оперативную группу в курс дела, задумчиво глядя на офицеров и барабаня пальцами по крышке стола. В приглушенном свете кабинета стекла очков наркома недобро по-

блескивали.

– Вы все хорошо знаете, – наконец заговорил Берия, – что еще с осени прошлого года мы перебрасывали на Урал заводы с европейской части страны. В очень сложных условиях, почти нечеловеческими усилиями всех без исключения работников производства мы наладили выпуск танков, вооружения, боеприпасов, моторов, брони. Сейчас происходит что-то не совсем понятное для меня. Разобраться в ситуации в самые короткие сроки – вот ваша задача. В самые короткие! Если информация о проблемах дойдет до... самого, нам не сносить головы.

Разговор на общие темы, без всякой конкретики поразил оперативников, привыкших к четким приказам и формулировкам. Офицеры переглянулись, но задавать вопросов никто не стал. Приказ будет дан в любом случае. А то, что сейчас говорил Берия, больше походило на ожидание чего-то. Нарком тянул время и попутно давал понять, что задание непростое и невыполнение его может иметь самые серьезные последствия.

Оперативники уже не удивились, когда в кабинет вошел полковник с танкистскими эмблемами на петлицах. Теперь стал понятен смысл всей прелюдии Берии. Лаврентий Павлович представил полковника Иноземцева как представителя от армии, который осуществлял на Урале приемку продукции наркомата танковой промышленности.

– Вот, Федор Захарович, – Берия кивнул на оперативни-

ков, – эти товарищи поедут на Урал и будут разбираться с причинами. Я прочитаю ваш доклад, но вы сейчас нам коротко изложите суть. Вы выезжали на фронт и были очевидцем гибели в первом же бою новых танков Т-34. Ваше видение проблемы?

– Я не склонен делать скоропалительные выводы, товарищ нарком, – сведя брови к переносице, ответил полковник, – но факты, которые я изложил в своем докладе, имеют как объективные причины, так и субъективные. На Юго-Западном фронте я был свидетелем непрерывной переброски частей 23-го танкового корпуса с одного рубежа на другой. Отмечу также неправильное использование их в бою – командование изматывало материальную часть, не достигая цели. За десять дней части корпуса совершили марш общей сложностью до трехсот километров. Фактически на тот момент в корпусе оставалось восемьдесят пять танков. По приказу командования 28-й армии части 23-го танкового корпуса сосредоточились в районе Козинка, Казначеевка, Конопляновка с задачей – уничтожить противника, продвигающегося на восток в направлении Волоконовка и дать возможность частям 28-й армии отойти за реку Оскол и занять оборону. 6-я и 114-я танковые бригады начали наступление, не имея данных о силах противника, без организации взаимодействия с пехотой, артиллерией и авиацией. В результате такой неорганизованности танки были встречены из засад активным артиллерийским огнем противника во взаимодействии с авиаци-

ей, что сразу нарушило боевой порядок наступающих наших танков. Вследствие непродуманного наступления части корпуса потеряли только за два дня боя до 30 танков и с боем отошли на восточный берег реки Оскол³. Казалось бы, потери вполне объективные и имеют причиной как раз ошибки тактики и командиров, но это вопросы к командованию фронта. Меня беспокоит другое – почему эти танки были так легко подбиты.

Полковник положил на стол перед Берией свою докладную записку, а сам открыл большую черную папку и принялся доставать из нее фотографии, выкладывая их на стол. Он перебирал их, сортировал по какому-то пока никому неизвестному принципу. Затем разложил на две части и вопросительно посмотрел на Берию, потом на оперативников.

– Прошу вас посмотреть сюда, товарищи. Вот фото мест попадания вражеских снарядов в наши «тридцатьчетверки». Вот эти снимки я сделал в марте этого года. В этот танк восемь попаданий – три в корпус и пять в башню. В этот шесть. А вот этот танк выдержал двенадцать попаданий вражеских снарядов. Вот эти места, вот еще фотография. Прошу отметить, что все эти танки остались на ходу и относительно боеспособными. А вот эти фотографии я привез только что. Это танки из последней партии с завода в Нижнем Тагиле. Первый бой. Два попадания, три попадания. А здесь одно и вот здесь только одно. Танки подбиты с первого снаряда, со вто-

---

³ Бешанов В. В. Год 1942 – «учебный». – Мн.: Харвест, 2002. С. 266.

рого.

– Броня этих танков из последней партии не выдерживала то, что должна была выдержать? – спросил Шелестов, рассматривая снимки.

– Вот именно! – с горечью ответил полковник. – Положение на фронтах непростое.

Немецкие войска рвутся к Сталинграду и на Кавказ. Страна живет под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». В это критическое время бесперебойная работа танковых заводов на Урале становится вопросом жизни и смерти. Я не берусь прямо сейчас делать выводы, но они напрашиваются сами собой. Очевидно, партия новой броневой стали оказалась с пониженной твердостью. Несколько танков, отправленных на фронт, пробиваются немецкими снарядами там, где должны были выстоять. Но ведь технологические процессы должны неукоснительно соблюдаться.

– Был еще срыв сроков поставки двигателей, – напомнил Берия. – Вот так, товарищи! Вам понятна ситуация, Максим Андреевич?

– Так точно, – отозвался Шелестов. – Я так понимаю, что группа отправляется на Урал, чтобы разобраться в причинах некачественной продукции.

– Не просто разобраться, но и четко понять, что это: халатность кого-то из производственников, усталость коллектива или умышленное вредительство, диверсия? Здесь могут сказаться и ошибки руководства на производстве, которые

привели к таким сбоям, а может быть и... Одним словом, вы должны не просто разобраться, а вовремя схватить за руку тех, кто допустил это. Будь это рука человека, совершившего ошибку, или рука врага.

Группа прибыла в Нижний Тагил, когда солнце уже опускалось за горизонт, в десять часов вечера. Буторин, которого Шелестов отправил на Урал двумя днями раньше, ждал товарищей, облокотившись на прилавок закрытого газетного киоска. Виктор лениво покуривал, успевая бросать взгляды вдоль перрона и на здание железнодорожного вокзала. Одетый в серую летнюю пару и кепку, оперативник ничем не выделялся среди пассажиров и встречающих. Дождавшись, когда оперативники дойдут до конца перрона, где он их ждал, Виктор оторвался наконец от прилавка и не спеша двинулся к выходу, где располагались камеры хранения. Пройдя к выходу, он спустился на площадь, где под неработающим уличным фонарем возле дощатого забора стояла черная «эмка».

Водитель – молодой мужчина, лет 35-ти, завел мотор, как только Буторин открыл дверь. Оперативники молча забрались в салон. Водитель тоже не изъявил желания здороваться или развлекать пассажиров разговорами. Через полчаса плутания по узким улицам машина выехала на восточную окраину города и остановилась возле неприметного двухэтажного дома в рабочем поселке. Через несколько минут Буторин через дворы и проходные подъезды привел товарищей к другому дому, где на первом этаже он открыл своим ключом

входную дверь квартиры.

– Что за машина, конспиратор? – серьезно спросил Шелестов, бросая на кровать свой чемодан.

– Из Наркомпроса, – усмехнулся Виктор. – Числится на ремонте, а Сеня подрабатывает по вечерам, пользуясь тем, что начальство проверить состояние ремонта не может. Квартира чистая. Хозяйка переехала в деревню к новому сожителю и квартиру сдает. Этот доход она, конечно же, пытается держать в тайне, так что ссориться с нами не будет. И мешать тоже. До проходной завода отсюда пятнадцать минут.

Оперативники осматривались в чистой уютной двухкомнатной квартире. Шелестов достал из чемодана и повесил расправляться свою военную форму. Он единственный, кому предстояло действовать и работать официально, как руководителю особой оперативной группы Главного управления НКВД. Трое его подчиненных должны были заниматься оперативными разработками, поэтому даже видеться публично с Шелестовым им было нежелательно. Даже входить в эту квартиру им предстояло через «черный» вход. Шелестову сегодня же нужно было устроиться в гостиницу заводу управления. А до этого нужно было успеть многое оговорить. В поезде обсуждать дела группы было нельзя, да и ехали оперативники в Нижний Тагил как незнакомые друг с другом люди, на местах в разных частях вагона.

– Ну что, как в городе обстановка? – спросил Шелестов,

когда оперативники расселись рядом с ним на стульях и диване.

– Обычная, – скупое отозвался Буторин. – Обычный город, Урал. Заводское население. И живет под девизом «Все для фронта, все для победы». Милиции на улицах почти не видно, но и правонарушений и уличной преступности здесь маловато. Рестораны есть, но публика не столичная, не роскошествует. Людей на улице по вечерам, как вы заметили, почти нет. Устают на заводах и фабриках. Не до гуляний под луной. По утрам на проходной на завод идут много женщин и подростков. Старых рабочих пенсионного возраста много. Перевозки, склады, полигоны охраняет часть НКВД. Территорию завода, производство – местная ВОХР.

– Начальник? – сразу спросил Коган, оторвавшись от кружки с горячим чаем.

– Начальник заводской ВОХР бывший капитан-конвойник Гоголев. Мужик толковый, служака, но оперативной хватки не имеет.

– Ну, его дело чисто охрана, – пожал плечами Сосновский, который сидел возле радиоприемника и покручивал ручку настройки, пытаясь найти какую-нибудь местную станцию. – Интереснее личность куратора завода от местного управления НКВД. С этим нам обязательно надо познакомиться.

– Сложная личность, – сдержал улыбку Буторин, увидев, что товарищи вместе с Шелестовым уставились на него удивленно. Виктор успел навести справки и об этом человеке.

– Поясни, – попросил Шелестов.

– Ну, как вам сказать, – Буторин в задумчивости провел несколько раз ладонью по седому ежику волос. – Знаете, есть люди в органах, которые служат Родине, народу, а есть такие, которые служат начальству. Так вот этот Громов из второй категории.

Шелестов молча кивнул. Он знал, что Виктор Алексеевич, бывший сотрудник разведотдела, с его-то опытом и талантами не подведет и подготовит для группы всю информацию, которую только можно успеть получить за пару дней. Ребята в его группе были действительно талантливые, поэтому и разглядел их в свое время Платов, доложил Берии. А потом с разрешения всесильного наркома организовал Особую оперативную группу Главного управления НКВД, которая подчинялась только самому Платову и Берии. Дела, по которым и самому Шелестову, и Буторину, Когану, Сосновскому грозила высшая мера, были приостановлены, а потом и совсем закрыты. Да и сфабрикованы они были по навету прислужников наркома Ежова, завистников, карьеристов, расчищавших себе путь к власти и не считавшихся с интересами страны и органов. Буторин и сам Шелестов до ареста работали в разведотделе, Коган следователем особого отдела НКВД, а Сосновский до ареста – сотрудником заграничной разведки. Был отозван из Германии.

– Завтра я встречу с Громовым, – закуривая, сказал Шелестов. – Посмотрим, что у него есть в активе, какие пред-

положения, подозрения и факты. Удалять его с завода глупо – он многое знает и многих знает. Вопрос только в том, какие он делает выводы. А на его московское начальство у нас есть свое. Думаю, Платов там все решит, и нам дадут нормально работать. Вы работаете на основании документов главка министерства танковой промышленности. Документы НКВД использовать только в крайнем случае...

– Мне кажется, – усмехнулся Коган, – что многие и так поймут, что мы из органов, а не из главка. Какие мы инженеры!

– Тут тоже такие есть, – возразил Буторин. – И визитеры из Главка. Несмотря на дипломы! Так что, я думаю, ситуация для местных производственников привычная.

– Согласен, – кивнул Шелестов. – Есть на производстве люди, которым важно дело. Вот на них и будем опираться. Рядовые инженеры, я думаю, имеют представление об истинных причинах сбоев и брака. Поверят нам, что мы искренне хотим помочь, а не просто назначить виновных и уехать за орденами, тогда и толк будет... Виктор, займись охраной, режимом на предприятии, раз уж ты в курсе того, как тут система построена. Когану задание по специальности – документация. Борис, займись бумагами, договорами, поставками, технологическими картами. Если есть нарушение технологических процессов, то сверить с требованиями удастся. А дальше будет понятно, кто имел доступ и кто мог что-то нарушить в технологии.

– На мне личные дела? – вскинул брови Сосновский.

– Да, на тебе люди, Миша, – согласился Шелестов. – Присмотрись, знакомься, постарайся найти мотивировку. А вдруг тут не вредительство, а желание выслужиться, карьеру сделать. Человек здесь, в цехах, может решить, что там на передовой не разберутся, почему вдруг такие потери в танках. Он, может, и не враг, а просто боится срывать план выпуска продукции. Некачественная броневая сталь, а он решит, что там не поймут. Вдруг эта партия стали проскочит?

...Территория завода встретила Шелестова густым от угольной пыли и жара мартенов воздухом. Пыхтя паром, по территории проходили то и дело маневровые паровозы, проезжали грузовые автомашины. Шум, грохот, шипение пара – все это не воспринималось как мирная жизнь завода в глубоком тылу. Даже здесь этот заводской производственный шум ощущался металлическим дыханием войны. Максим шел по территории завода, глядя, как справа и слева вздымаются в жарком мареве силуэты корпусов танкового завода – необъятного, как целый город, изрыгающего из своих труб черный жирный дым, застилавший низкое небо. Звуки порой были оглушительны: грохот прессов из открытых огромных ворот, лязг железа, скрежет крановых колес, скрип тросов. Все это сливалось в непрерывный гул огромного производства, не умолкающий ни днем ни ночью.

Кабинет майора Громова, оперуполномоченного областного управления НКВД, курирующего танкостроительный

завод, располагался в административной «белой» части производственной территории, но даже здесь сквозь запертые окна просачивался назойливый вибрирующий гул. Шелестов, стряхнув пыль с фуражки и рукавов гимнастерки, окинул взглядом комнату. Узкая, как пенал, с голыми стенами стандартного синего цвета. Главными украшениями служили, конечно, портрет Сталина, висевший прямо над головой хозяина кабинета, и большой, с полный ватманский лист план-график выпуска цеха бронекорпусов, испещренный красными флажками и пометками. Пахло куревом, дешевым одеколоном и сухой пылью, которая пробивалась сквозь щели оконной рамы в кабинет.

Сам хозяин кабинета, майор Громов, поднялся навстречу неспешно, с видом человека, обремененного огромной, но хорошо ему известной тайной. Это был мужчина лет сорока пяти, плотный, коренастый, с короткой, будто из пакли сделанной шевелюрой и плоским бесстрастным лицом. Его маленькие, очень светлые глаза смотрели из-под тяжелых век оценивающе и устало. Рукопожатие было сухое и крепкое. На нем была идеально отутюженная гимнастерка без единого знака отличия, кроме майорских шпал в петлицах – типичная манера «особиста», не желающего выделяться в толпе. Но в этой нарочитой невыразительности чувствовалась абсолютная уверенность в своей силе и праве.

Пожав руку майору, Шелестов подошел к его столу, покрытому зеленым сукном, но не стал садиться на свободный

стул, приставленный для посетителей или допрашиваемых лиц. Максим обогнул стол и, небрежно бросив на него фуражку, уселся на стул хозяина кабинета. Стол был идеально чист, как и стоявшая на нем настольная лампа под зеленым матерчатым абажуром. Подводила только полная окурков металлическая пепельница да сейф в углу по правую руку от стола с залапанной грязными пальцами дверцей.

– Садитесь, Громов, – Шелестов по-хозяйски кивнул на свободный стул. – Нам с вами надо многое обсудить. Докладывайте, что у вас тут происходит.

Майор не выглядел обескураженным поведением старшего Особой оперативной группы Главного управления НКВД. Скорее, он ждал примерно такого поведения московского гостя. Шелестов же ждал, как этот человек себя поведет дальше. Будет изображать недовольство тем, что к нему отнеслись с пренебрежением, будет из кожи лезть, чтобы доказать лояльность к московским оперативникам или будет тормозить работу по любому поводу, ссылаясь на то, что у него есть свое начальство, а оно... И так далее.

– Товарищ майор, – голос у Громова был низкий, сипловатый. – Ждал вас. Проблема назрела серьезная. Не просто срыв графика. Систематический брак в бронелистах корпуса. Пережог, скрытые раковины. Броня на испытаниях ведет себя... э-э, капризно.

Громов деловито уселся на стул по другую сторону стола и даже чуть наклонился в сторону гостя. Но, произнеся

несколько дежурных фраз, Громов снова поднялся. Обойдя стол, он достал из ящика тонкую картонную папку с завязанными тесемками.

– Сначала я думал, что дело в рабочих, их усталости, в сырье. Теперь уверен – дело не в случайностях. Здесь почва. И на ней растут ядовитые грибы.

Громов вернулся на стул, так и не дождавшись интереса Шелестова к этой папке. Он уселся напротив гостя и с многозначительным видом придавил папку ладонью.

– Изучил я, товарищ майор, кадры. Особенно инженерно-технический состав. И сразу выплыла фигура. Старший технолог корпусного цеха – Лариса Викторовна Постышева. Исполнительна, умна, даже, можно сказать, талантлива. Но ее отец – Виктор Соколов, бывший наркомовский чиновник, осужден по 58 статье ⁴ в 37-м году за вредительство в металлургической промышленности. Расстрелян. Дочь, несмотря на «волчий билет», сумела поступить в институт, отучиться и даже пробиться на ответственный пост. Покровители, видимо, нашлись. Или... – Громов сделал многозначительную паузу, – или умение пригодилось для другой работы.

Громов все же развязал тесемки и раскрыл папку. Он извлек несколько листов и протянул Шелестову. Максим взял их и стал рассматривать. Это была служебная характеристика, выписка из личного дела и чья-то объяснительная запис-

---

⁴ 58-я статья УК РСФСР предполагала наказание вплоть до высшей меры за контрреволюционную деятельность, измену Родине, шпионаж и т. п.

ка, очень похожая по форме и содержанию на донос.

– Вот, прошу взглянуть, – Громов говорил, тыча пальцем в листки, – социальное происхождение – дочь врага народа. Не порвала с ним связей, на допросах в 37-м пыталась оправдать «ошибки» отца. Имеет высшее образование, полученное уже после ареста родителя, – что само по себе подозрительно. В повседневном поведении – замкнута, с коллегами общается холодно, часто остается в цеху после смены одна. И, – Громов понизил голос до конфиденциального шепота, – по оперативным данным, высказывала сомнения в отдельных технологических процессах, утвержденных Наркоматом. Под видом оптимизации предлагала изменения, которые могли бы привести к еще большему срыву.

Он положил ладонь на папку, как бы накрывая улику. А Шелестов посмотрел на майора поверх листа бумаги и почему-то подумал о Громове с неприязнью: «А не домогался ли ты ее, друг ситный? Может, она тебя оттолкнула, а ты теперь готов ее утопить, угробить начисто? Кто-то ведь оценил инженерные таланты Постышевой, не помешал ей получить инженерное образование. И возраст у нее подходящий для поползновений с твоей стороны – 26 лет».

– Картина ясна, – неправильно расценив молчание Шелестова, продолжил майор. – Неблагонадежный элемент на ключевом участке. Идеальная кандидатура для вредительской деятельности. Чувство мести за отца, сомнительное прошлое, доступ к технологическим цепочкам. Все ниточ-

ки брака сходятся на ее участке. Я считаю, медлить нельзя. Надо изымать. Арест Постышевой даст нам и результат, и... нужную динамику по заводу. Очистит атмосферу.

Громов умолк, переводя на Шелестова неподвижный тяжелый взгляд. В его словах не было ни злобы, ни азарта. Была холодная административная убежденность в своей правоте и еще что-то затаенное, может быть, действительно личное. А может, этот человек и правда искал выхода на шумное выигрышное дело. И сейчас в рамках своей идеи он видел не живого человека – инженера, дочь, женщину, – а схему: «дочь врага народа» + «брак на производстве» = «вредитель». Это было просто, логично и полностью могло соответствовать его представлению о картине мира. За окном оглушительно гудел и ковал броню гигантский завод, а в этой душной комнате майор Громов уже выносил заочно смертный приговор – в виде фамилии в расстрельном списке.

Шелестов еще раз пробежал глазами текст на листах бумаги и бросил их на стол. Хочешь не хочешь, а этого человека надо использовать в работе.

– Хорошо, надо присмотреться к этой Постышевой, – кивнул Шелестов. – Арестовывать рано. Если перед нами враг, то она работает не одна. Если она не враг, тогда незачем нам разрушить производственный процесс в то время, когда каждый специалист на счету. Тем более который полностью погружен в производство с самого начала. Я попрошу вас, Василий Архипович, подготовить список всех подозреваемых

вами в саботаже лиц, а также лиц с низкой, на ваш взгляд, компетенцией. Пока никаких активных действий. Дайте мне несколько дней присмотреться к людям, к производству, а потом мы с вами решим, как действовать дальше.

– Вы хотите сказать, что Постышева – мелочь и что ее арест спугнет более крупную рыбу? – зловещим голосом спросил Громов.

– Я хочу сказать, что мне нужно самому составить свое собственное представление о происходящем на заводе. Родине нужны танки, много танков. И ломать производство мы не имеем права. Действовать будем осторожно, с хирургической точностью.

Оставив Громова составлять списки, Шелестов снова вышел на территорию завода и направился к корпусному цеху. Сосновского он нашел возле группы людей, склонившихся над носилками. На них лежал паренек лет пятнадцати, а может, и того меньше. Спецовка на два размера больше, бледное лицо в саже и машинном масле. Женщина в белом халате, присев на корточки, водила под носом у паренька ваткой, пропитанной каким-то пахучим составом. Рабочие тихо переговаривались. И из этого разговора Шелестов успел понять, что у паренька случился обморок от усталости, систематического недоедания и недосыпания.

– Батка у него на фронте, – слышался чей-то голос за спинами рабочих, – мать померла этой зимой. Простудилась сильно. Он на станке за взрослого, а дома сестренка мало-

летняя. Он в обед ей еду носит домой из нашей столовой. Свою пайку горячего супа. Живет-то совсем рядом... Мальчонка-то не двужильный... Так вся страна нынче... Дети за взрослых к станкам встали, пока отцы воюют...

Глава 2

Танковый завод – грохочущий, скрежещущий, ревущий организм! И из его ворот выходили все новые и новые боевые машины, которые были так нужны фронту. Здесь пахло соляжкой, раскаленным металлом и пылью, здесь время измерялось не часами, а планом. И в этом адском ритме Михаил Сосновский почувствовал себя своим. Он не спал половину ночи, настраиваясь, вдумываясь в обстановку. Завтра он для всех на заводе будет не майор госбезопасности, а просто Михаилом Юрьевичем, инженером из наркомата, приехавшим с очередной рутинной проверкой. Льняная светлая летняя пара сидела на нем чуть мешковато, как на штатском. Сосновский старался казаться спокойным человеком, не настырным, делающим свое простое дело. Конечно, наступит момент, когда ему придется вместо командировочного удостоверения из наркомата показать служебное удостоверение сотрудника НКВД, но лучше бы это произошло как можно позже.

Шелестов стоял в цеху и, заложив руки за спину, смотрел, как козловый кран перемещает корпус «тридцатьчетверки» без башни и гусениц. Когда Сосновский обратил на него внимание, он еле заметным кивком попросил его подойти.

– А? Какая махина! – кивнув на танковый корпус, сказал Шелестов. – И ведь все руки человеческие делают, головы

инженеров наших придумывают! Каково, а?

Сосновский, прижимая рукой папку с бумагами, пожал плечами, подыгрывая своему командиру и ограничиваясь ничего не значащими междометиями. Шелестов понизил голос, но так, чтобы в этом грохоте и шуме сборочного цеха стоящий рядом Михаил разобрал слова.

– Найди здесь технолога Ларису Викторовну Постышеву. Ее местный оперуполномоченный подозревает в причастности к саботажу или даже вредительству.

– Доказательно подозревает? – сразу же спросил Сосновский.

– У нее отца в 37-м расстреляли по 58- й. Девочка пыталась добиться оправдания, не отказалась от него, несмотря на давление в комитете комсомола. Кстати, из комсомола ее исключили, но она сумела поступить в институт, получить профессию инженера и работает здесь. Непростая девочка. Присмотрись с ней, пообщайся. Если она честный работник, да еще с сильным характером, она для нас незаменимый помощник.

Сосновский молча отошел от Шелестова. Так, обмен эмоциями, ничего не значащий разговор для окружающих. Да и никто особенно не обращал внимание на них в цеху. Люди работали! Сосновский думал о Постышевой, на которую посоветовал обратить внимание Шелестов. Михаил уже налаживал контакты, общался кое с кем из инженеров завода, но там ему приходилось работать наугад, просто разбираться в

том, как идет работа, что является причинами сбоев, как это понимают инженеры, рабочие, руководители производства. А тут конкретная «наводка» на технолога. Лариса Постышева, технолог цеха сборки, дочь врага народа, расстрелянного в 37-м. Местное управление НКВД, значит, зацепилось за нее и копает под технолога. Дочь врага народа, значит, она и может быть причиной участившегося брака, мелких, но досадных нестыковок в документации – все вполне можно списать на вредительство. И человек подходящий есть. И не важно, что Постышеву десятки раз проверяли и перепроверяли, пока она поступала и, кстати, поступила в институт, пока училась и когда попала на работу в Нижний Тагил на оборонное предприятие. Кто-то проморгал врага народа? Да нет, просто встречались Постышевой в жизни нормальные люди, которые понимали, что бывают и ошибки, и что дочь не отвечает за отца.

Да, цепкая тень отца легла на дочь. Михаил сразу усомнился, что эта Постышева могла быть вредителем. Вредители обычно действуют тоньше. А тут все слишком прямолинейно, слишком на поверхности. Он чувствовал, что здесь, если и есть в чем-то вина этой Постышевой, то все равно нет злого умысла. Тут что-то иное. И потому действовать решил не с помощью давления, а с помощью сближения. Нужно было понять не «преступницу», а человека.

Он нашел ее в полутьме конторки, притулившейся к стене огромного цеха. За листом фанеры, заваленным калька-

ми и техусловиями, сидела молодая женщина в серой рабочей спецовке. Нет, не женщина, все же девушка. У Постышевой было усталое заострившееся лицо, на котором слишком взрослые, знающие глаза казались чужими. Темные волосы, туго стянутые в узел под черным беретом, на пальцах следы плохо стертой смазки. А руки у девушки были красивые, с длинными пальцами, но на суставах проступали ссадины и следы солярки. Она что-то яростно исправляла в спецификации, ее карандаш двигался быстрыми, уверенными штрихами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.